Митта Александр 15.12.2000

Известия. - 2000 - 15 дек. - с. 12.

Александр МИТТА:

Будь я японцем, мне бы стоило сменить имя

Только что ОРТ показало первую серию фильма Александра Митты «Граница. Таежный роман». Митта не снимал без малого десять лет, преподавал киноискусство в Гамбурге, там же написал книжку о том, как при помощи нехитрых приемов заставить зрителя два часа сидеть и не дышать. В книжке все объяснялось с графиками и картинками, и было совершенно непонятно, отчего все плохие режиссеры не купят себе такую книжку и не начнут снимать правильно. Впрочем, сам Митта тоже снимает не по правилам. С первых минут первой серии становится понятно, что «Граница» ломает не только хлипкие традиции отечественной «теледрамы», но и сериальные каноны вообще. Немодные 70-е, военный гарнизон в глухой тайге показаны без традиционной ретродымки: будто все это сейчас — и особисты, и веселенький ситец, и китайские подштанники в военторге. А еще у Митты советский офицер загрызает волчицу, а Рената Литвинова говорит: «Городок, маленький, как пуговица. И не страшно тебе?» А еще небывалый, почти заграничный глянец, особенно заметный на фоне основной сериальной массы, производимой у нас по принципу «дешево и сердито» с упором на слово «дешево». Впрочем, Митта старается не называть свою новую работу телесериалом и настойчиво употребляет слово «роман» и даже без приставки «теле». Я позвонил Александру Наумовичу с какими-то уточняющими вопросами в тот момент, когда по телевизору только началась первая серия «Границы», и услышал: «А давайте вы лучше посмотрите и позвоните, как кончится, а то на этих промокассетах, которые вам давали, качество совсем уж жуткое».

АЛЕКСЕЙ БЕЛЯНЧЕВ

— Чем вы заняты накануне премьеры?

— Делаем киновариант «Границы». Это будет не сокращенная версия, а совершенно самостоятельное произведение, с другой структурой и другой основополагающей идеей. К тому же там будет много того, чего не было в телеверсии. Вообще это, конечно, нарушение технологий: обычно делают наоборот — сперва кино, потом сериал, и как продюсеры мы тут, конечно, серьезно теряем... Но для меня было гораздо важнее сперва выйти именно с романом. Идея важна. Как говорят, понты дороже денег. Я думаю, сам по себе формат телевизионного романа очень перспективен — «фельетонные» сериалы, к которым все сейчас привыкли, в которых развития не происходит и каждая серия по новой тиражирует главную идею, в них, конечно, есть своя прелесть, но телероман дает режиссеру неизмеримо большие возможности. Кино сейчас находится примерно на той же стадии развития, на какой была литература во второй половине XIX века, когда Дюма писал «Трех мушкетеров». Роман выходил по одной главе в газете, и читатели ждали следующей. Так и мы теперь.

— Вы оглядывались на то, что делалось в советское время в жанре сериала? Скажем, была такая телеэпопея «Государственная граница»...

— Ну с «Государственной границей» можно какую-то связь уловить... Но у нас слово «граница» имеет более метафорический смысл. «Вишневый сад» ведь не про вишни, верно? Так и тут — граница в общем-то ни при чем: это лишь экстремальная среда для развития сюжета. А сюжет про любовь: три женщины решают свои личные проблемы, а вокруг мужики с оружием, предельно жесткая социальная структура, в которой если ты покатился, то тебе уже не подняться, так и будешь катиться до пенсии, и время соответствующее — эпоха стагнации. Иными словами, мы сконструировали такую среду, в которой решение личной проблемы будет связано с максимальными трудностями.

— Кто придумывал диалоги?

— Зоя Кудря. Есть ближе к финалу несколько моих, но большая часть — ее. Вообще работа над сценарием по-настоящему пошла именно тогда, когда мы с ней засели за него вместе. То есть вместе мы определяли структуру сюжета, придумывали сюжетные ходы, но основную работу делала, конечно, она.

— Вы подбирали команду уже под готовую идею?

— Идея «Границы» появилась достаточно давно. Сообразил я ее еще в Германии, когда преподавал. Тогда было много времени на размышления, даже вот книжку написал про технологии кино... И в какой-то момент я понял, что единственная форма, в которой я буду чувствовать себя свободно, — это роман. У меня ведь на каждом фильме был ужасный конфликт, который с каждым разом усугублялся. Работаешь-работаешь, а потом половина уходит в корзину. Метража не хватало, и чем дальше — тем больше. На «Затерянном в Сибири», после которого я прекратил работать, в корзину ушла ровно половина классного материала. И не по чьему-то злому умыслу, просто фильм не выдерживал, не вмещал в себя столько. Англичане, которые финансировали проект, хотели, чтобы все уложилось в два часа, а я ничего не мог сделать — и заканчивать картину пришлось английскому редактору. Признаться, тогда я чувствовал себя очень некомфортно. Потом я понял, что моя стихия это именно роман: не одна судьба, а переплетение судеб, не одна личность, а целый ансамбль. И когда началась работа над сериалом, мои предчувствия оправдались на двести процентов: работа шла легко, свободно, по двенадцать часов в день, мы сделали все за одиннадцать недель — и сериал, и киновариант, который сейчас монтируем.

— В «Границе» много новых лиц. Как шел подбор актеров?

— Половину команды привел с собой я, вторую половину нашла Оля Логинова, выдающийся, совершенно невероятный ассистент по кастингу. Она собрала мне замечательных актеров, но ведущий состав я, конечно, привел сам. Для Алексея Гуськова роль была придумана еще до того, как были написаны первые строчки сценария. Насчет Миши Ефремова тоже сомнений не было — он друг семьи, друг моего сына, и у него огромный актерский потенциал. Замечательная Оля Будина. Лена Панова, которую я увидел в крохотной роли в «Маме» и подумал: если человек может произвести такое потрясающее впечатление за две минуты экранного времени, то что же будет, если дать ей развернуться. Рената Литвинова...

— У вас Литвинова совершенно другая какая-то. Как вы этого добились?

— Рената просто еще никогда не появлялась на экране в таком качестве. Она придумала себе образочек и тиражировала его в артхаусных фильмах. А на самом деле она классная, просто классная актриса, и как мне кажется, ее ждет европейская известность: она как раз из таких личностей, которые в состоянии перешагивать через границы.

— У вас нетипичный для нашего телекино уровень производственного дизайна. Картинка яркая...

— Нормальная американская картинка. На «Кодак» снимали.

— Ну, «нормальная» это для Америки, а для нашего ТВ — исключение. Насколько я знаю, бюджет у вас был обычный. Почему такая разница?

— Сережа Астахов. Этим все сказано. Это виртуозный оператор, который может снимать как угодно и что угодно. Простой пример: в нашем фильме половина кадров снята в движении, а он за все время работы ни разу не встал на рельсы. Тележку с рельсами привез, а потом сказал: ну ее — лишняя трата времени. У нас действительно был достаточно жесткий график. И он снял все с рук. Просто слился с камерой. Недаром Сережа больше всех из наших операторов работает с заграницей, а работа в российском кино для него не заработок, а скорее хобби.

— Будет ли продолжение «Границы»?

— Может быть, но этим буду заниматься уже не я. В планах еще один телепроект, тоже роман, но уже не в стиле ретро, а современный.

— Его будет делать та же команда?

— Ну, мы с Зоей Кудрей уже сидим вдвоем над сценарием. А Астахова надо еще уговаривать, надо, чтобы ему сценарий понравился... С Гуськовым мы, конечно, будем работать дальше, он ведь на «Границе» был не только актером, но и сопродюсером, и по продюсерской линии у нас все прошло идеально: все сделали в срок и уложились в деньги, которые выделило нам ОРТ. При том, что запускались мы как шестисерийный фильм, а в черновом монтаже серий получилось девять.

— А почему сейчас их восемь?

— На ОРТ сказали, что они готовы платить только за восемь. А мы сказали «ну и слава Богу», выкинули при окончательном монтаже одну серию, и именно благодаря этому действие получилось таким динамичным и плотным. Забавно вышло, я набрал кучу музыки того времени общим звучанием часа на четыре, и в результате мы не смогли ни одну песню использовать. Просто некуда их вставлять. Не влезает.

— Как вам далось вхождение в телевидение?

— Знаете, были раньше такие круглые цистерны с надписью «Рыба»? Так вот, у меня ощущение, что я всю жизнь ехал внутри такой цистерны, и вдруг ее перевернули, раз — и я в реке. Ни одной картины я не делал с таким ощущением свободы и легкости. Я ведь потому и перестал снимать, что до смерти надоело работать для корзины. А тут... Знаете, японцы, когда у них начинается новый жизненный этап, берут себе новое имя. Будь я японцем, мне бы сейчас точно стоило сменить имя.

Роман ВОЛОБУЕВ